

Цикл
Владимира Малыгина
БАЛТИЙСКИЙ ВЕТЕР

Времена не выбирают
Балтийский форпост

Владимир МАЛЫГИН

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М20

Серия «Попаданец»

Выпуск 182

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Малыгин, Владимир Владиславович

М20 Балтийский форпост : роман / Владимир Малыгин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-170189-5

Вот он — выход в море, вот они — торговые пути в заморские страны, но нет! Словно псы сторожевые караулят в море датские корабли, не выпускают русичей из устья Наровы. Небольшая русская крепость на балтийском берегу будто кость в горле не только у захвативших побережье данов, но и у крестоносцев. Ещё и псковские бояре с литвинами и орденом мирные соглашения подписали, не по нраву им постоянная война под боком, мешающая торговле. И Ватикан готовит очередной крестовый поход на славянские земли... Придётся рассчитывать только на свои силы!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-170189-5

© Владимир Малыгин, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог

Над древним городом заходило багровое солнце. Катилось к горизонту пылающим раскалённым блином, окрашивало красным улицы и дома, отчего они казались облитыми свежей кровью. Торопились домой припозднившиеся горожане, робко жалась к кровавым стенам и тут же испуганно отшатывались. Осторожно ставили ступни на красные камни мостовой и прерывисто вздыхали, с тревогой наблюдая за причудливыми ужимками собственных длинных теней.

Чем ниже опускалось солнце, тем длиннее и чернее становились тени. Чернота эта удивительным образом смешивалась с багряным отсветом заходящего солнца и становилась всё более и более похожа на пролитую запёкшуюся кровь...

К вечеру с моря подул долгожданный ветерок и наконец-то принёс горожанам облегчение от изнуряющей дневной жары. Долетел он и до папского дворца, проник в приоткрытые оконные щели, поднял в воздух невесомую золотистую пыль и потревожил гобелены на стенах. Поиграл с огнём горящей свечи на столе, отчего пламя испуганно затрепетало и чуть было не погасло. Сидящий за столом старик прикрыл робкий огонёк ладонью, не дал свече погаснуть. И в который уже раз макнул перо в чернильницу.

Папа Гонорий Третий выводил твёрдой рукой очередное письмо. Наконец-то была определена окончательная дата выступления Фридриха Второго в новый крестовый поход. А раз условие было выполнено, то можно и сдержать слово, данное императору. В этом письме он подтверждал своё согласие на брак Фридриха с королевой Изабеллой.

Письмо получилось коротким, и много времени на его написание не ушло. Приветствие, несколько слов и подпись. Всё. Не глядя, протянул руку, подхватил со стола песочницу, щедро сыпанул на бумагу мелкий песочек. Подождал мгновение, чтобы чернила подсохли, встряхнул бумагу, сбрасывая лишние частички на пол, и аккуратно свернул письмо. Растопил над свечой воск, накапал горячую массу на стык и приложил папскую печать. И, пока воск остывал, задумался — кого отправить с письмом?

В дверь заглянул секретарь:

— Епископ Вильгельм Моденский. Пропустить?

— Зови. — Гонорий проверил оттиск печати на застывшем воске и отложил в сторону неотправленное письмо. Император ждал долго и ещё подождёт. Свадьба никуда не денется. А вот дела Ватикана ждать не могут!

Выпрямился в кресле, откинулся на жёсткую спинку и поморщился — поясницу ломит, годы берут своё. Скрипнула, распахиваясь, тяжёлая створка двери, и Гонорий тут же забыл о больной спине.

Епископ вошёл, приложился к руке папы и отступил на шаг назад. Приготовился выслушать последние наставления перед дальней дорогой.

— Превыше всего должны быть интересы церкви! Всё остальное потом, — наставлял Гонорий епископа в который уже раз.

— Как быть с крестоносцами? Если откажутся смириться? — склонил голову Вильгельм Моденский.

— На месте определишься. По имеющимся у меня сведениям, в Эстляндии сейчас очень неспокойно. Даны никак не могут поделить прибалтийские земли с орденом. И местный народец всё никак не смирится, бунтует и бунтует. Постарайся использовать эти междоусобицы в интересах церкви. Орден... — Гонорий задумался на мгновение. — Они же псы Господни? Бросишь им какую-нибудь кость, пусть и дальше грызутся между собой. Зёмли только ни в коем случае никому из них не отдавать, слишком дорого обходятся церкви такие ошибки! Выделить надел можно. Но небольшой. И с Альбертом будь внимательным, хитёр епископ, словно лис. Пишут мне, что слишком много силы он себе взял. В первую очередь о себе думает. Зря Иннокентий ему столько воли дал, дарами великими облагодетельствовал. Зачем епископу прибалтийские земли в собственность? Да ещё в ущерб интересам местного ордена? Отсюда и пошла смута. А нам теперь приходится пожинать плоды этой ошибки, усмирять недовольство крестоносцев.

Гонорий протянул руку, снял с фитиля свечи нагар, отломил и помял в пальцах мягкий потёк воска. Положил аккуратно круглый комочек на блюдечко, втянул носом аромат тающего воска. И продолжил наставлять епископа:

— В том, что местное население с трудом принимает католичество, нет ничего страшного. Никуда они не денутся, я уже запретил им проводить православные обряды! А то, что пока бунтуют, так варвары же! Ничего другого от них ждать не приходится.

Рано или поздно, но и православные, и язычники прибалтийские нам покорятся. Аминь!

— Аминь! — подхватил епископ и вслед за папой перекрестился. — А как быть с Данией? Я слышал, они всё северное побережье Балтики успели захватить и значительно потеснили там новгородцев?

— С королём Вальдемаром придётся договариваться. Было бы хорошо, если бы даны перестали нападать на центральную и южную Эстляндию. Взамен можешь ему пообещать, что мы не будем посылать крестоносцев на север и оставляем за ним Ревель.

Вильгельм внимательно слушал, и в глубине его души постепенно возникало новое чувство, ощущение причастности к великим событиям истории. Воистину сам Господь направил его на эту стезю. И он не подведёт Господа! Ведь управлять народами не каждому выпадает. И одновременно с этим захватывающим дух чувством уже начинало давить на душу тяжкое бремя предстоящей власти...

— Но это не означает, что на этом можно успокоиться. Подойди! — Гонорий вытащил из стола карту.

Вильгельм очнулся от своих дум и сделал два быстрых шага вперёд, всмотрелся в нарисованную картинку. Папа ткнул пальцем в бумагу.

— Смотри сюда! Вслед за землями эстов настанет черёд островов Эзель и всех других. Сам решишь, как с ними поступить!

Палец папы медленно, с шорохом пополз по карте. Вильгельм пристально наблюдал за его движением и даже слегка склонил голову. От предстоящих ему дел и доверия папы просто захватывало дух.

— Эти земли на востоке как будто принадлежат Новгороду. Язычникам! Водь, ижора, корелы... До

чего же мерзкие названия у этих племён! Твоя дальнейшая задача — обратить местных варваров в католичество!

— Вряд ли новгородцы обрадуются моему появлению на своих землях? — Вильгельм не то что удивился такой грандиозной задаче, он просто опешил от этих слов. Но опомнился сразу, всё-таки опыт сказался. И виду не подал, лишь смиренно склонил голову, пряча сомнения от внимательного и пронзительного взгляда Гонория.

— Новгородцы сейчас ослабли. Они не смогли удержать Ревель и Юрьев, отменили поход на Ригу. Псков не поддерживает Новгород из-за его неграмотных действий на псковском порубежье. Устала местная знать от постоянных войн, мешающих торговле, и тебе эту распря нужно обязательно использовать! — Папа сжал тонкие губы так, что они слились в узкую линию, нахмурил брови и подытожил разговор: — Любые твои действия против язычников и варваров будут хороши, если они направлены на благо церкви нашей! В средствах для достижения этой благой цели можешь не стесняться...

Гонорий снова полез в стол. Достал из ящика свиток с красной печатью и протянул его Вильгельму:

— Возьми. Индульгенция тебе.

— Так я ещё не согрешил, — вроде бы как начал отказываться епископ и тем не менее руку за свитком протянул.

— Ничего, у тебя всё впереди, — тут же успокоил его папа и передал свиток. — Дело тебе предстоит не из простых, так что ещё не раз согрешишь. А церковь заранее прощает все твои будущие грехи на землях восточных варваров...

Глава 1

Толсбург, Северная Эстляндия

Самое начало лета. И уже так жарко! Солнце высоко в зените, словно раскалённая в горне крица. Под его лучами не только воск плавится и течёт, до кольчуги на плечах не дотронуться. Капли пота то и дело срываются со лба, падают на грудь и тут же испаряются.

Ветви на деревьях обессиленно склонились до самой земли, трава на полянах пожелтела, словно уже и осень наступила. И даже камыш пригорюнился. Пусть пока и зеленеет, но кончики листьев всё же успели выгореть под этим пеклом.

Редкий ветерок с моря шуршит подсохшим камышом, летит к берегу и путается в сухой траве. Сталкивается лбами с гранитными валунами на пологом береговом откосе и окончательно замирает, так и не добравшись до деревянных стен низкорослой прибрежной крепостицы.

Слева и справа, если со стороны моря смотреть, две невысокие вышки с наблюдателями. И сейчас на этих вышках им очень тяжело. Навес из жердей плохо защищает от солнца, и приходится перемещаться по небольшому квадрату помоста, стараясь поймать тень и спрятаться от жгучих солнечных лучей. Когда ветер обдувает, так и стоять можно. А в такую погоду сплошная мука. И железо не скинешь: не положено. Приходится смену стоять и считать минуты до окончания дежурства. И так-то одуреваешь от жары, так ещё и море блестит, сливается с небом на горизонте.

Да и зачем на море смотреть? Всё равно в такую погоду никакой корабль из гавани не выйдет. Ветра почти нет, а вёслами по такой жаре не намашешься. Никаких запасов воды гребцам не хватит.

Даже обычные патрули в последнее время отменили, что вдоль кромки моря регулярные обходы по мысу совершали. Заливы справа и слева от мыса сильно обмелели, вода отступила, обнажила многочисленные округлые валуны и серое илистое дно между ними. Идти по такому сплошная мука — петляешь среди камней, словно заяц, да ещё вдобавок подсыхая корка легко под ногами проламывается, и сапог по щиколотку, а порой и ещё глубже проваливается в воющую вязкую жижу. И отчищается она потом очень плохо. Скребёшь её, скребёшь, а толку мало. Въедается этот ил в кожу намертво...

Вся надежда на наблюдателей на вышках...

Вот один из них голову высунул, глянул сначала на море, потом посмотрел вниз, на безлюдный крепостной плац. И спрятался. Никого внизу нет, пусто!

«Все полуденную жару в прохладных внутренних помещениях переживают, одни мы тут жаримся, словно цыплята на вертеле! Ничего, скоро и эта мука закончится. По слухам, в Тарванпеа уже прибыли новые войска, разрушенные стены восстановили и сейчас спешно достраивают замковые укрепления. Эти проклятые русичи прошли через всю Эстляндию, и никто их не заметил! А ведь здесь, в Толсбурге, защитников куда как меньше. Повезло, что варвары мимо прошли...

Говорили, русичи где-то на восходе остановились, крепость ставить начали. Несколько дней назад туда большое войско ушло. Наверное, скоро назад с победой будут возвращаться... Повезло кому-то, ведь проклятые язычники много добра с собой из Тарванпеа утащили. Рассказывают, одни голые камни там оставили...» — размышлял размякший от жары

наблюдатель на вышке. Мысли лениво цеплялись одна за другую, тянулись, словно загустевший мёд.

Караульный снова поёрзал. Сидеть на деревянном полу было очень неудобно. Ноги не вытянуть, площадка для этого слишком короткая, а от долгого неподвижного сидения тут же начинала неметь задница. Да ещё эти грубо тёсанные и плохо подогнанные друг к другу плахи с широкими щелями между собой так и врезаются в кожу острыми кромками!

Вытянул шею, выглянул за деревянный борт ограждения и тут же спрятался назад. Пусто на море, никого нет. Даже пиратов давно не было видно. Пропали куда-то.

Снял шлем, вытер рукавом пот со лба, подышал открытым ртом. Потянулся к баклажке на поясе и вспомнил, что воды там уже нет, всё выхлебал. Вздыхнул ещё раз, широко раскрывая при этом рот, чтобы хоть как-то освежить высохшее горло, и продолжил размышлять: «Воистину, то пошло, что вчера поздно вечером употребили с товарищами, было очень дрянным. Зря пил. А как не пить в такой скуотище? Чем тут ещё заниматься? Лучше бы сейчас на русичей пошёл... Зря не вызвался, когда желающих выкликали... Сейчас точно бы с большой добычей назад возвращался! И не пил бы больше подобную бурду. А ещё можно было бы дать монету десятнику и съездить в Ревель! Ох и погулял бы там!»

Караульный плотнее прикрыл глаза и начал придумывать, как бы он попьанствовал в городских трактирах, каких сочных девок бы поимел и помял...

Всхрапнул, из уголка упавшей вниз губы потянулась на бороду тягучая струйка слюны...

В глубине камышовых зарослей коротко плеснуло, словно снулая рыба из последних сил хвостом по воде ударила. Чирикнули тревожно птицы и тут же замолкли, даже им лениво в такую жару клювы раскрывать. Короткая волна, больше на рябь похожая, так же лениво заплюхала в толстых и склизких от подсыхающей тины стеблях и запуталась, затихла, не пошла дальше, на открытую воду. Дерево ещё стукнуло глухо о дерево. Да стрекозки слюдяными крыльями блеснули, прострекотали над водой и тут же плюхнулись на широкие листья кувшинок. И замерли, припали голубыми брюшками к живительной прохладе.

Недолго им удалось отдохнуть, короткий покой потревожил нос узкой деревянной лодочки. Распугал мелкую живность, разогнал в стороны.

— Всё, дальше только пёхом! — прошипел сидящий на носу челна воин и первым шагнул через низкий борт в воду, подавая пример своему товарищу.

Воды — пядь, а ноги провалились в ил почти по колено! И челн накренился, черпанул бортом солёную затхлую жижу. Из-под проломленной белёсой корки ила вылетели и булькнули серебристые пузыри, ударил в нос зловонный гнилостный запах, заставил поперхнуться.

— Челн здесь оставим? — перебрался на нос лодки второй из разведчиков. Подождал, пока товарищ пройдёт вперёд, и соскользнул следом за ним в грязную взбаламученную жижу из тины и ила.

— А куда он денется? — осторожно продвигался через камыши первый, прокладывая тропу напарнику. И сам же ответил: — Никуда.

На каждый шаг приходилось затрачивать слишком много сил — мало того что надо аккуратно и по

возможности бесшумно выдирать ноги из липкого плена, так ещё и мошка одолевала. Поднималась, зараза, из этой вонючей жижи и озверело набрасывалась на свежее мясо.

Вот и кромка камыша, дальше чистый берег, плавно поднимающийся к бревенчатым стенам крепостицы.

Высовываться из камышовых зарослей на открытое место воины не стали, через стебли наблюдали. А мошка зверела, вилась вокруг серым облаком, зажирала остервенело, не встречая должного отпора. Вгрызалась в лица и кисти рук, оставляя после укуса мелкие кровоточащие язвочки. И отмахиваться никак нельзя от этой заразы, чтобы лишним шевелением не привлечь к себе внимание дозорных на вышках.

— Всё осмотрел? Расстояния, высоту стен и вышек прикинул? — скосил глаза на напарника старший из воев.

— Да, всё. Можно уходить, — откликнулся второй и спрятал в поясной кошель разрисованный клочок бересты. Уголёк использованный выбросил под ноги. В ответ на вопросительный взгляд товарища тут же пояснил: — На всякий случай. Береста не голова, она ничего не забудет...

Обратная дорога до лодки показалась короче. И дошли быстрее. Правда, второй раз по уже разбитой тропе пробираться было хуже — проваливались глубже. И выпачкались от этого сильнее.

И через борт забираться труднее. Чуть было не притопили челн, зачерпнув бортом вонючую муть. Кое-как перевалились внутрь, отдышались, взяли вёсла и потихоньку потолкались на выход из камышей, на чистую воду.

Лёгкий ветерок подул удивительно вовремя, зашевелил стебли камыша, зашуршал узкими листьями, скрыл пробирающуюся через камыш лодку с людьми, долетел до стен и сторожевых вышек.

— Опять тухлятиной завоняло! — скривился караульный. И забормотал от нечего делать: — Наверное, на берегу что-то сдохло. Или распухшее тело волнами откуда-нибудь принесло. Точно, тело! На такой жаре оно сразу завоняет!

Открыл глаза, приподнялся и глянул на берег, ничего подозрительного впереди внизу не заметил и плюхнулся назад. Но тут же передвинулся чуть в сторону, в переместившуюся спасительную тень. Поёрзал, устраиваясь в углу поудобнее, потёрся зудящей меж лопаток спиной о засаленное истёртое брёвнышко смотровой клетки, подпирающее покатую крышу, и замычал сквозь стиснутые зубы от наслаждения. Вздохнул с удовлетворением и снова придремал. И вонь с берега не помеха.

Разморило стража на солнцепёке. Да и не служба это, а службишка, ленивое отбывание времени в карауле. Море до самого горизонта пустое, даже горластые чайки куда-то запропастились. Ни одной тёмной чёрточки впереди не видно, так чего на воду попусту глазеть? Только глаза себе испортишь из-за сверкающих на мелких волнах слепящих солнечных зайчиков. Задержишь на каком-нибудь взгляд, и всё! Слепнешь на время! Потом долго чёрные букашечки перед глазами мельтешат...

* * *

Челн с разведчиками прокрался вдоль камышовой кромки, проскользил по водной глади заливычка и даже волну не поднял, настолько плавным был